

СОДЕРЖАНИЕ

Главное — сказать свое	3
Сильнее смерти	18
«Ненавижу ложь в жизни...»	66
Преодоление	90
Связь времен	119
Любить и ненавидеть	163
Роман «Игра» и его критики	215
Заключение	257

Юрий Владимирович Идашкин

ЮРИЙ БОНДАРЁВ

Редактор А. Коган

Художественный редактор С. Биричев

Технический редактор Н. Кошелева

Корректоры Н. Гришина, И. Шевякова

ИБ № 4671

Сдано в набор 10.11.86. Подписано к печати 08.07.87. А-03805. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28+1 вкл.+альбом=15,17. Усл. кр.-отт. 15,17. Уч.-изд. л. 15,53+1 вкл.+альбом=16,15. Тираж 20 000 экз. Изд. № IX-1227. Заказ № 1093. Цена 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Ново-Васманная, 19.

Типография издательства «Калининградская правда», 236000, Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.

Когда Юрия Бондарева однажды спросили, как он стал писателем, ответ последовал не вдруг. В памяти возникли отчетливые картины далекого уже теперь детства, первые тревоги и радости, открытия и утраты...

Старый дом в тихом Замоскворечье тридцатых годов. Темные коридоры густонаселенных коммунальных квартир, где случались, конечно, и ссоры, и размолвки между соседями, но в основном жили дружно и согласно, во всегдашней готовности прийти на помощь, выручить или хотя бы просто посочувствовать. И двор, который сегодня со всеми его сараями и глухими закоулками показался бы совсем маленьким, а тогда не только считался, но и выглядел почти огромным: во всяком случае, там шла своя кипучая, напряженная, порою шумная, веселая и озорная, а порою — тайная, скрытая от посторонних глаз жизнь. Там, во дворе, уживались футболисты и голубятники, собиратели марок и велосипедисты, весной девчонки, визжа, оттачивали всех, кто нарушал заповедную неприкосновенность аккуратно расчерченных «классов», и до умопомрачения прыгали через веревочку, но общей страстью в какой-то момент незаметно становились книги. На раскаленных солнцем толевых крышах сараев часами лежали счастливицы, завладевшие «Оводом», «Чапаевым» или «Тремя мушкетерами», а внизу с нетерпением и тоской в глазах слонялись те, кто дожидался своей очереди.

Бондарев рано пристрастился к книгам. Приучала его к чтению мать, много — особенно когда он болел — читавшая ему вслух. Постепенно он, азартный голубятник, все свободное от школы время привык делить между книгами и голубями. Прочитанное развивало воображение мальчика и его речь, рождало какие-то неясные порывы. Учительница Мария Сергеевна Кузовкина, внимательная и чуткая к любому проявлению

способностей, хвалила сочинения Бондарева, особенно домашние, «Как я провел лето», например. В таких не ограниченных жесткими рамками программы работах юному автору было легко, свободно, он с увлечением описывал события летних каникул. С не меньшим увлечением и охотой участвовал он в выпуске школьного юмористического журнала, где выступал и в качестве автора, и в качестве редактора.

Много лет спустя отвечая на вопрос о том, как он стал писателем, Юрий Бондарев говорил: «Помню: осенний дворик, моросящий дождь, низкое небо, стук капель по железу, запах ремонта — сырой извести и какое-то грустное волнение как предощущение чего-то. Или зимним вечером возвращаюсь из школы и неотрывно смотрю на белые рои снежинок, медленно плывущих в длинных конусах света от фонарей. Теперь мне кажется, что стремление передать все это, смутный толчок к писательству возник именно тогда, в детстве, в замоскворецких переулках»¹.

Однако между школьными годами и тем моментом, когда Юрий Бондарев осуществил это свое так рано зародившееся, тогда еще неясное стремление к литературному творчеству, прошло не просто семь — восемь лет, — прошла война. Именно она и сыграла решающую роль в становлении Бондарева как писателя.

Юрий Васильевич Бондарев родился 15 марта 1924 года. А это значит, что он принадлежал к тому поколению довоенных мальчишек, которое достигло совершеннолетия ранней весной 1942 года, несомненно самой трудной из военных весен. Представителям этого поколения не довелось участвовать в составе кадровых частей в тяжелейших приграничных сражениях лета 41-го, не довелось сражаться под Смоленском, Киевом, Ельней, и мало кому из них выпало на долю сначала оборонять Москву, а затем гнать фашистов от ее стен. Но их уделом стали Сталинград и Курская дуга, Ростов и Харьков, форсирование Днепра и Дуная, Вислы и Одера, Варшава и Секешфехервар, Дуклинский перевал и Балканы, Белград и Кенигсберг, наконец, штурм Берлина и освободительный рейд на Прагу. Три процента мужчин, родившихся в 1924-м, вернулись с фронта живыми. Три процента! А скольких еще ожи-

¹ Бондарев Ю. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 6. М., Художественная литература, 1986, с. 250.

дала участь, о которой с пророческой афористичностью сказал фронтовой поэт Семен Гудзенко:

Мы не от старости умрем —
От старых ран умрем...

Четыре военных года были колоссальным испытанием для всей нашей страны, для всего советского народа. Проверялись на жизнеспособность и прочность не только социалистические общественно-политический строй, экономика, братский союз наций и народностей. Держал невиданный по своей жестокости и суровости экзамен новый тип человека — человек советский. И в первую очередь этот экзамен держали те, кто был рожден при советской власти, кого формировала и воспитывала советская действительность, советский образ жизни.

Поколение Юрия Бондарева было призвано пройти тягчайшее из испытаний без подготовки, буквально со школьной скамьи, не приобретя никакого жизненного опыта, никакой закалки, которые требуют времени. У мальчишек этого поколения времени не было — непосредственно из классных комнат они попали в маршевые роты и на ускоренные курсы военных училищ. Но было у них другое: то, что помогло выполнить свой долг, навеки вписав свои имена на страницы героической истории Родины, явив беспримерные образцы мужества, стойкости, воли и выдержки. Высочайший нравственный потенциал личности — вот что стало основой непоколебимой стойкости этого поколения во всех испытаниях. Личности, сложившейся, конечно же, не стихийно, как это может произойти в силу случайных обстоятельств с пятью, десятью, наконец, с сотней людей, а целенаправленно воспитанной нашим общественным строем, всей атмосферой предвоенной жизни страны, — личности, типичной для поколения ровесников Бондарева.

Вернувшись с войны, едва перевалившие двадцатилетний рубеж юноши были поначалу как бы слегка ошеломлены наступившей в мире тишиной. Там, на фронте, она почти всегда была коварной, почти всегда предвещала новую опасность, таила в себе неизвестную и от этого еще более страшную угрозу. Теперь же тишина — не временная, не настораживающая, а постоянная, во всяком случае долгая — заставляла окончательно поверить: наступил мир. Но поверить в эту

простую, такую долгожданную истину было невероятно трудно. Позднее, в первой своей повести «Юность командиров», Бондарев так напишет о тогдашнем состоянии фронтовика Алексея Дмитриева: «И внезапно все, что было прожито, пережито и пройдено, обрушилось на него, как обжигающая холодом волна, и это прошлое показалось таким неизмеримо великим, таким огромным, беспощадным, что невозможно было представить: прошел все это, десятью смертями обойденный... И тут же с замиранием почему-то подумал о той школьной милой жизни, до войны,— о Петергофском парке, о горячем песке пляжей на заливе, о прозрачной синеве ленинградских белых ночей, о Неве с дрожащими огоньками далеких кораблей — «Адмирала Крузенштерна» и «Товарища», — о том, что было когда-то и ушло совсем, навсегда».

К этому противоречию: мальчик без биографии, с одними воспоминаниями детства, и одновременно — суровый многоопытный мужчина, крещенный в огненной купели, — Бондарев-писатель будет возвращаться не раз и не два. По существу, во всех его крупных произведениях оно станет предметом пристального и глубокого художественного исследования. Он неоднократно обратится к нему и в своей публицистике, и в своих литературно-критических статьях.

Фронтовики, во всяком случае те из них, кто ушел на фронт после школы, там, в окопах и на огневых позициях, в кабинах танков и самолетов, стали умелыми, мужественными воинами, а вернулись юношами во многих отношениях наивными, потому что душевного опыта, опыта нечеловеческого напряжения, преодоления страданий у них было в избытке, а житейского, бытового — не было совсем. Они выдержали испытание огнем, но не прошли испытания повседневностью — оно еще предстояло. Это о них Бондарев однажды сказал: «Нам было тогда и по двадцать лет и по сорок одновременно»¹. Что дало силу им, двадцатилетним, сражаться и жить с мужеством и стойкостью зрелых людей, как на грани жизни и смерти осуществлялась самая жестокая и самая безошибочная проверка на человечность — вот о чем задумывались в наступившей тишине все, кто вернулся живым. Но об этом же думали и те, кто никогда не слышал посвиста пуль, кто,

¹ Бондарев Ю. Собр. соч., т. 5, с. 603.

не щадя себя, работал на Победу в тылу, стойко перенося и голод и холод, надеясь и веря в счастливое возвращение сына или брата. Наконец, эти вопросы не носили и не могли носить только личный характер. Существовала объективная потребность ответить на них языком искусства, ибо подвиг, совершенный во имя Отчизны, не может не быть объяснен, воспет и увековечен, не может не стать частью художественной летописи эпохи, служащей прочным связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим страны и народа.

Совершенно очевидно, что ответить на эти вопросы, воспеть подвиг поколения могли — и должны были — в первую очередь те, кто к нему принадлежал, кто, много раз глядя смерти в глаза, вынес из огненных бурь неподдельное и неповторимое знание той войны, которая по праву получила наименование Великой Отечественной.

Юрий Бондарев вспоминает: «Во время войны мысль взяться за перо не приходила ни разу. И только после фронта странное состояние смутной потребности выразить что-то вернулось. Тогда я написал первые свои рассказы»¹.

Да, еще в 1945 году курсантом военного училища, куда командир противотанкового орудия Бондарев, прошедший многие сотни километров по фронтовым дорогам, был направлен на учебу, он начал писать. Сначала стихи, слабые, подражательные, как их теперь оценивает сам автор, а потом и прозу. Но после демобилизации из армии и возвращения в Москву реальные жизненные проблемы, поиск своего места в послевоенной мирной жизни на время отодвигают в сторону литературные опыты. Бондарев колеблется: работать? учиться? Эти и другие вехи его собственной биографии, типичные для его поколения, мы встретим впоследствии в «Юности командиров» и «Тишине», в «Родственниках» и «Береге». И несущественно, что очень многое в биографии Бондарева вовсе не совпадает с биографиями Алексея Дмитриева, Кости Корабельникова, Сергея Вохминцева, Алексея Грекова и Вадима Никитина. Совпадают обстоятельства, мотивы поступков, размышления, чувства, но произведения писателя — не его личная биография, а биография поколения.

¹ Бондарев Ю. Собр. соч., т. 6, с. 250.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66